

УДК 811
DOI 10.17223/18137083/70/21

Е. А. Дадуева

*Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал)
Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Улан-Удэ*

Каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия в бурятском и русском языках

Рассматриваются каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия в бурятском и русском языках. Определяются грамматические, функциональные, семантические свойства данной группы глаголов в позиции сказуемого, выделяются способы выражения предикатных актантов, анализируются их грамматические и функционально-семантические признаки. Основным средством выражения предикатного актанта в каузативных конструкциях в бурятском языке является причастие будущего времени с показателями винительного падежа и притяжания, а в русском языке – инфинитив. Отличительным свойством бурятского языка является возможность обозначения волевого воздействия одной маркированной лексемой.

Ключевые слова: каузативный глагол, полипредикативная конструкция, предикатный актант, волевое воздействие, фактитивная каузация, пермиссивная каузация.

Категория каузативности и ее основные средства выражения – каузативные глаголы – по-прежнему вызывают большой интерес в языкознании. Изучение различных процессов в функционировании, семантике и грамматике каузативных глаголов остается актуальным в современной лингвистике. Сопоставительные исследования каузативности в разноструктурных языках способствуют установлению общей основы языков и определению индивидуальности каждого языка в выборе средств выражения. Интересным представляется изучение каузативности в разноструктурных бурятском и русском языках. В данной статье раскрываются некоторые вопросы, касающиеся конструкций с глаголами волевого воздействия. В русистике глаголы волевого воздействия в той или иной мере затрагиваются в ряде исследований [Гордон, 1981; Апресян, 1995; Золотова и др., 2004; Ван Цуй, Бочина, 2014], в бурятском языкознании – [Дадуева, 2011]. Как считает Е. Я. Гордон, данные глаголы следует отнести к собственно-каузативным глаголам, не осложненным другими лексическими значениями. Она отмечает, что их функция

Дадуева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент Бурятского института инфокоммуникаций филиала Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ул. Ключевская, 64–69, Улан-Удэ, 670013, Россия; edadueva@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 1
© Е. А. Дадуева, 2020

схожа с романскими и германскими служебными глаголами, которые входят в каузативные конструкции. Но исследователь уточняет, что в славянских языках нет аналитического каузатива, что проявляется в сохранении глаголами своего лексического значения, и их роль нельзя свести к служебной функции. Также она замечает, что в некоторых случаях пермиссивного употребления глагол *дать* получает полуслужебный характер и теряет свое лексическое значение [Гордон, 1981, с. 13]. Ю. Д. Апресян называет глаголы волевого воздействия синтаксическими каузативами [1995]. Исследователь каузатива в русском и китайском языках Ван Цуй приходит к выводу, что глаголы волевого воздействия в русском языке не являются самостоятельными предикатами, и конструкции с данными глаголами очень схожи с аналитическими конструкциями в китайском языке [Ван Цуй, Бочина, 2014, с. 9]. Другие исследователи называют глаголы типа *заставлять*, *просить*, *велеть* неполнозначительными каузативно-модальными глаголами. Они считают, что в число каузативных средств входят модальные глаголы, к которым и относятся глаголы со значением волевого воздействия на другое лицо [Золотова и др., 2004, с. 74]. В лингвистике подобные глаголы часто называют директивными [Noonan, 2007, p. 136]. Директивные глаголы обозначают опосредованное не прямое воздействие, в том числе вербальное воздействие на каузируемого субъекта. В бурятском языке Е. К. Скрибник выделяет глаголы речевой каузации [1988]. Например: *зүйхэ* 'просить', *заабарилаха* 'велеть' и т. д. Глаголы речевой каузации занимают значительное место в числе каузативных глаголов каузации требованием [Дистанова, 2010]. Однако к числу глаголов волевого воздействия также относятся и глаголы, в значение которых не включаются семантические признаки, характеризующие тот или иной способ каузации (*заставить*, *принудить* и др.). Например: *Учительница заставила нас одеться потеплее; Врага принудили отступить* и т. д.

Цель настоящей статьи – определить грамматические, функциональные, семантические свойства группы глаголов волевого воздействия в позиции сказуемого, а также описать способы выражения предикатного актанта в бурятском и русском языках.

Каузативные глаголы как функционально-семантический разряд глагольной лексики имеют сложную семантическую структуру, в которой доминирующей является семантика воздействия. Г. А. Золотова определяет каузативность как «выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта», и считает, что «значение воздействия субъектов, вызывающее изменения в предметах, предопределяющее появление новых ситуаций, называют в лингвистике каузативным» [2004, с. 267]. Например, *разбить* – «оказать такое воздействие, чтобы что-либо разбилось» и т. п. А. В. Филиппов также выделял в семантической структуре каузативных глаголов сему воздействия и подчеркивал, что каузативный глагол выражает два действия в их взаимосвязи: воздействие со стороны каузатора и действие каузируемого объекта, «тем или иным способом обусловленное этим воздействием» [1978, с. 90].

По мнению Н. Д. Арутюновой, в значении каузативного воздействия выделяются три семантические разновидности, связанные со сферами воздействия, – волевое, эмоциональное (психическое) и физическое. Так, различаются следующие типы каузативных глаголов в русском языке: глаголы воздействия на волю лица (*просить*, *заставлять*, *принуждать*, *уговорить*), глаголы воздействия на эмоциональную сферу (*сердить*, *злить*, *веселить*, *радовать*, *удивлять*, *утомлять*), глаголы физического воздействия (*положить*, *выключить*, *гнуть*, *ломать*) [Арутюнова, 1976, с. 170]. Соответственно эти семантические группы каузативных глаголов можно называть глаголами физического, эмоционального и волевого воздействия.

Семантически в бурятском языке также можно выделить глаголы эмоционального, волевого и физического воздействия в разряде каузативных глаголов. Физическое воздействие выражают такие глаголы, как *носоохо* ‘разжечь’, *гаргаха* ‘вытащить’, *уулгаха* ‘поить’, *байлгаха* ‘остановить’, *ногооруулха* ‘озеленить’ и т. п. Эмоциональное воздействие передается глаголами *гайхуулха* ‘удивить’, *шалааха* ‘томить’, *баясуулха* ‘обрадовать’, *энеэлгэхэ* ‘смешить’, *хоролхуулха* ‘раздражать’ и др. Необходимо отметить, что общие семантические компоненты в разноструктурных языках получают разные средства выражения: русские каузативы не имеют регулярных морфологических средств выражения каузативного значения, а в бурятском языке существуют морфологические каузативные маркеры – аффиксы *-га* (*-го*, *-гэ*), *-гаа* (*-гээ*, *-гоо*, *-гөө*), *-ха* (*-хэ*, *-хо*), *-хаа* (*-хээ*, *-хоо*), *-аа* (*-ээ*, *-оо*), *-уул* (*юул*, *-үүл*), *-лга* (*-лгэ*, *-лго*). При помощи данных аффиксов в бурятском языке образуется основное число каузативных глаголов. Заметим, что лексические каузативы также представлены в бурятском языке. Например: *алаха* ‘убить’, *табиха* ‘ставить’, *хааха* ‘закрыть’ и др. Глаголы представленных групп составляют обширный класс полнозначительных каузативных глаголов в русском и бурятском языках, а значение волевого воздействия передается лишь небольшой группой глаголов: *дать*, *позволить*, *заставить*, *приказать*, *велеть*, *просить*, *принуждать* и др. Н. Д. Арутюнова называет их личностными каузативами, представляющими «некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого» [1976, с. 176]. Волевым воздействием включает в себя такие компоненты, как приказ, просьба, принуждение, разрешение, согласие, совет, позволение, не препятствование / допущение и др. В бурятском языке мы выделили следующие каузативные глаголы волевого воздействия: *гуйха* ‘просить’, *захиха* ‘заказать’, *уриха* ‘приглашать’, *аргадаха* ‘уговаривать’, ‘упрашивать’; ‘молить’, *заабарилха* ‘велеть’, *захиха* ‘поручить’, *хорихо* ‘запрещать’, *эрихэ* ‘требовать’, *баалаха* ‘заставлять’, *дурадхаха* ‘советовать, предлагать’, *үгэдөө оруулха* ‘уговорить’, *үнэншүүлхэ*, *этигүүлхэ* ‘убедить’, *захирха* ‘приказать’.

Данная группа глаголов волевого воздействия представляет собой особую группу каузативных глаголов, обладающих рядом особенностей, отличающих их от каузативных глаголов физического и эмоционального воздействия. И главным их отличием является возможность участия в полипредикативных конструкциях с предикатным актантом и в русском, и в бурятском языках. В таких конструкциях каузативные глаголы выступают в качестве «вершинных» предикатов [Касевич, Храковский, 1983, с. 5]. Например: *Я попросил его уйти*.

Конструкции с предикатными актантами предполагают, как известно, конструкции с актантами в финитных и инфинитных формах. Каузативные конструкции содержат инфинитные формы, т. е. конструкции с зависимым инфинитивом, причастиями [Типология..., 1985]. Предикатный актант при них оформляется в зависимости от морфологического типа языка. Если во флективном русском языке предикатный актант в каузативных конструкциях выражается чаще всего инфинитивом, то в агглютинативном бурятском языке выступает в форме причастия будущего времени на *-ха*. В бурятском языке фиксированный порядок слов, поэтому в простом предложении каузативный глагол всегда занимает последнюю позицию, а причастие всегда стоит перед ним. Например: *орохыень аргадаха* ‘уговаривать зайти’, *ерэхыень уриха* ‘пригласить приехать’, *ерэхыень баалаха* ‘заставлять прийти’ и т. п. Надо отметить, что значение данных сочетаний в бурятском языке совпадает с русскими эквивалентами. Такие конструкции имеют значения «волеизъявления субъекта-каузатора в отношении потенциального действия другого, каузируемого субъекта» [Золотова, 2004, с. 139]. Также отметим, что в русском языке инфинитив может быть заменен на отглагольное существительное, что не характерно для бурятского языка, например: *принудить к отсут-*

плению, позволить принятие решения, запретить чтение статьи, торопить решение задачи и т. д. Такие сочетания свойственны официально-деловому стилю.

Инфинитив в русском языке и причастие на *-ха* в бурятском языке не содержат значения каузации, они обозначают ответные действия, состояния, которые должны возникнуть в результате волевого воздействия, обозначенного «вершинным» предикатом. В этом состоит полипредикативность каузативной конструкции, в которой выражаются отношения между двумя ситуациями: воздействием и казуируемым желаемым действием. Например:

- (1) *Тарган хонин=ой* *мяха шана=ад,* *Воуль баабай=гаа*
 жирный баран=GEN мясо варить=CVB.PST Воуль отец=ACC
эдеэл=х=ые=нь *ури-ба.*
 поесть=PC.FUT=ACC=3 пригласить=PST.3SG
 ‘Сварив жирную баранину, Воуль **позвал** отца **поесть**.’ (М. Жигжитов. Далай шадарай дайда)

Причастие *эдеэл-х-ые-нь* здесь обозначает желаемое действие – *отец должен поесть*. Казузатор оказывает волевое воздействие на лицо (*уриба* ‘позвал’), а желаемое действие совершает казуируемый субъект – *баабай эдеэлбэ* ‘отец поел’.

Казуируемый участник, на которого направлено волевое воздействие, является здесь субъектом казуируемого действия, названного инфинитивом в русском языке или причастием в бурятском языке. Например: *просить почитать ребенка – ребенок читает, дать поесть малышу – малыши поел, заставить проснуться детей – дети проснулись, торопить выйти посторонних – посторонние вышли*. Ср. в бурятском языке:

- (2) *Гэр=тэ* *оро=х=ые=тнай* *гуй=на=лби –* *Тэдэнэр*
 дом=LOC входить=PC.FUT=ACC=PL.2 просить=PRS=1SG они
гэр=тэ *оро=бод.*
 дом=LOC входить=PST.3PL
 ‘Прошу вас пожаловать в дом – Они вошли в дом.’

- Үри* *үгэ=х=ые=нь* *нэхэ=бэ* *Тэрэ ури=ео*
 долг отдать=PC.FUT=ACC=3 потребовать=PST.3 он долг=ACC
үгэ=бэ.
 отдать=PST.3
 ‘Потребовал его отдать долг.’

Как мы видим, каузативная конструкция в левой части содержит причастие, обозначающее казуируемое действие, в правой части происходит преобразование причастия в некаузативный коррелят, обозначающий казуированное действие или состояние. Данное явление говорит о том, что у глаголов волевого воздействия отсутствует некаузативный коррелят, который имеют все глаголы физического и эмоционального воздействия. Ср.: *унтуулха* ‘усыплять’ – *унтаха* ‘спать’, *һалгааха* ‘разделять’ – *һалаха* ‘разделяться’, *баярлуулха* ‘радовать’ – *баярлаха* ‘радоваться’ и т. п. Получается, что сочетание каузативного глагола и причастия в данном случае имеет цельное значение. Ср.: *орохыетнай гуйналби – оробод, үгэхыень нэхэбэ – үгэбэ*. Поэтому не случайно то, что в каузативных конструкциях позиция предикатного актанта обязательна, так как «опущение инфинитива обычно ощущается как контекстуальный эллипсис» [Арутюнова, 1976, с. 175]. Ср.: **Они заставили*. Семантика каузативной конструкции становится ясной только с появлением предикатного актанта и казуируемого участника ситуации. Ср.: *Они заставили нас уйти*.

Однако при общей функциональной и семантической нагрузке причастия будущего времени в бурятском языке и инфинитив в русском языке имеют грамматические различия. Инфинитив не несет в себе грамматические значения. Тогда как бурятское причастие в функции предикатного актанта может иметь грамматические признаки.

Основными грамматическими свойствами причастного актанта будущего времени на *-ха* в бурятском языке является возможность присоединять показатели падежа и притяжания. Показатели личного притяжания указывают на определенное лицо: 1-е л. ед. ч. *-мни, -ни*; 1-е л. мн. ч. *-мнай, -най*; 2-е л. ед. ч. *-ини, -и*; 2-е л. мн. ч. *-тнай*; 3-е л. ед. и мн. ч. *-нь*. Аффиксы притяжания определяют каузируемого участника ситуации, непосредственного исполнителя действия, указанного в инфинитивной форме. Что касается показателей падежа, то в каузативных конструкциях управляемыми падежами являются В. п., реже Д. п. Рассмотрим примеры:

- (1) *Гарма эжы=гээ эндээ үлэ=х=ые=нь*
 Гарма мать=ACC здесь **остаться=PC.FUT=ACC=PL.3**
гуй=гаа.
просить=PST.3
 ‘Гарма **попросил мать остаться** здесь.’
- (2) *Аба үглөөгүр эртэ бодо=х=ые=мни*
 отец утром рано **встать=PC.FUT=ACC=1SG**
захи-ба.
велеть=PST.3SG
 ‘Отец **велел мне встать** завтра рано утром.’

Глаголы *гуйха* и *захиха* со значением волевого воздействия здесь выступают в сочетании с причастиями на *-ха*: *үлэ-х-ые-нь, бодо-х-ые-мни*. Глаголы указанной группы приписывают в бурятском языке предикатному актанту чаще всего аккузатив, что связано с семантикой каузативности, направленностью действия на прямой объект. Показатели притяжания у причастия выполняют функцию выражения лица и числа каузируемого субъекта, адресата воздействия. Это могут быть показатели 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., а также показатель 3-го л., как, например, в предложении (1) *үлэ-х-ые-нь*. В причастии предложения (2) *бодо-х-ые-мни* содержится указание на говорящего как объект воздействия (*меня*). Если каузатор и каузируемый субъект совпадают, то используется показатель возвратного или рефлексивного притяжания:

- (3) *Би гэр=тээ яба=ха=яа*
 я домой=LOC идти=PC.FUT=ACC=REFL
зубш=өө=нэб.
просить=CAUS=PRS.1SG
 ‘Я прошу разрешения **уйти** домой.’

С точки зрения семантики нужно разграничить каузативные глаголы волевого воздействия с фактитивным и пермиссивным значением. Фактитивное и пермиссивное значение зависит от характера воздействия каузатора. Если действие иницируется самим каузатором, то глагол выражает фактитивную каузацию. Если каузатор лишь позволяет или не препятствует объекту совершить действие, то глагол выражает значение пермиссивной каузации. К фактитивным глаголам относятся: *заставить, просить, велеть, уговаривать, поручить, наказать, требовать, послать* и др. В бурятском языке нами выделены следующие фактитивные

глаголы: *баалаха* ‘заставить’, *гуйха* ‘просить’, *захиха*, *даалгаха* ‘поручать’, *аргадаха* ‘уговаривать’, *зааха* ‘указывать’, *заабарилха* ‘дать указание’, *эрихэ* ‘требовать’, *эльгээхэ* ‘послать’ и др. Например:

- (4) *Тагар=ай* *буу=ха=яа* *hana=ха=да,*
 Тагар=GEN слезть=PC.FUT=ACC=REFL хотеть=PC.FUT=DAT
Гунсэмаа *эндээ* *үлэ=х=ые=нь*
 Гунсэма здесь остаться=PC.FUT=ACC=3
гуй=гаа *hэн.*
 попросить=PST.3
 ‘Когда Тагар собрался слезть, Гунсэма **попросила его остаться** здесь.’
 (Г.-Д. Дамбаев. Гунсэмаа)

В бурятском и русском языках к глаголам волевого воздействия с пермиссивным значением относится всего несколько глаголов: *зүбишөөхэ* ‘разрешать’, *хориho* ‘запрещать’, *үгэхэ* ‘дать’.

В каузативной конструкции кроме предикатного актанта существуют и другие объектные актанты, обозначающие каузируемого участника. Глаголы со значением волевого воздействия в сопоставляемых языках способны управлять как аккумулятивом, так и дативом. В этом их отличие от глаголов физического и эмоционального воздействия, управляющих только В. п. Объектные актанты, обозначающие исполнителя предполагаемого действия, при глаголах *просить* ‘гуйха’, *заставить* ‘баалаха’, *уговаривать* ‘аргадаха’, *посылать* ‘эльгээхэ’ и др. в русском и бурятском языках выступают в форме В. п. Например:

- (5) *Тэрэ* *мори=доо* *асар=х=ые=мнай* *бидэ=ниие*
 он конь=ACC привести=PC.FUT=ACC=1PL мы-ACC
эльг=ээ=бэ.
 отправить=CAUS=PST
 ‘Он **отправил нас** привести коней.’

- (6) *Бидэ* *аба эжы* *хоер=ые* *манайда*
 мы отец мать двое=ACC у нас
үлэ=х=ые=нь *аргада=на=бди.*
 остаться=PC.FUT=ACC=3 уговаривать=PRS=1PL
 ‘Мы **уговариваем родителей** остаться у нас.’

Надо заметить, что управляют В. п. каузативные глаголы с фактитивным значением. Однако фактитивные глаголы *велеть*, *поручить*, *наказать* в русском языке имеют при себе сильноуправляемую позицию адресата, исполнителя действия, в форме Д. п. Например: *велеть рабочим* (Д. п.) *ждать*, *поручить им* (Д. п.) *принести письма*, *наказать ребятам* (Д. п.) *убрать класс* и т. п. В бурятском языке глаголы *даалгаха* ‘поручать’, *зааха* ‘наказывать’, *заабаришалха* ‘дать указание, приказать’ также управляют дательным падежом, обозначающим адресата, который должен выполнить действие, названное причастием будущего времени. Например:

- (7) *Басаган=даа* *ном=оо* *унша=х=ые=нь*
 дочь=DAT книга=ACC читать=PC.FUT=ACC=3
даа=лга=ба=б.
 поручить=CAUS=PST=1SG
 ‘**Поручил дочери** прочитать книгу.’

- (8) *Марина=да* эндэ бай=x=ые=нь заа=ба.
 Марина=DAT здесь стоять=PC.FUT=ACC=3 наказать=PST.3SG
 ‘Наказал Марине стоять здесь.’

Специфика глаголов волевого воздействия с пермиссивным значением в русском языке состоит в том, что они управляют только дативом. Например: *Запомнил другое, что она разрешила ему собрать из ведра картофельные очистки и поскребыш из мусорного ведра* (Приставкин А. Солдат и мальчик). *А вот коров доить им Регина Петровна не разрешила* (Приставкин А. Ночевала тучка золотая). Данное явление связано с семантикой глаголов пермиссивной каузации. Разрешение, позволение или запрет на какое-либо действие дается какому-либо субъекту, т. е. адресату, который и выполняет действие. В бурятском языке глаголы с пермиссивным значением также предполагают при себе объекты в форме датива. Например:

- (9) *Нам=да* яба=x=ые=мни бу
 я=DAT идти-PC.FUT-ACC-SG.1 не-NEG
хори=t!
 запрещать=IMP
 ‘Не запрещайте мне уехать!’

Однако чаще всего объектный актант в форме датива отсутствует таких в каузативных конструкциях. Ср.:

- (10) *Оро=жо* нуу=x=ые=мни зүбиш=өө=гым!
 заходить=CVB садиться=PC.FUT=ACC=1SG разрешать=CAUS=IMP
 ‘Разрешите сесть!’

Но при переводе таких предложений на русский язык подразумевается наличие каузируемого объекта в форме Д. п. Ср.: *Орожо нуухыемни зүбишөөгым!* ‘Разрешите мне сесть!’

Далее перейдем к вопросу о сочетаемостных особенностях рассматриваемых глаголов. Некоторые лингвисты считают, что волевое воздействие предполагает сочетаемость глагола только с одушевленным каузатором и каузируемым субъектом. С. Д. Кацнельсон рассматривал каузативную ситуацию как взаимодействие одушевленных партнеров, один из которых воздействует на второго, чтобы добиться действия, которое второй партнер совершает в угоду первому [2002, с. 86]. Похожей точки зрения придерживается и Н. Д. Арутюнова [1976, с. 160]. Здесь есть, конечно, своя правда: волевое воздействие связано с выражением воли субъекта, а волей обладает живое существо, человек. Но нельзя не принимать во внимание такие конструкции, как *Дождь заставил нас ускорить шаг*, *Сердце позволило сделать правильный выбор* и др. Каузаторами довольно часто могут выступать как живые существа, так и события, предметы, которые в глазах говорящего могут быть причиной возникновения тех или иных событий. Чаще всего такими каузаторами становятся неодушевленные предметы, которые представляются человеку способными оказать некоторое воздействие. В данном случае глаголы волевого воздействия выступают в роли синтаксических средств выражения каузативности, обозначая причину и следствие: *Правила позволяют водителю ехать без остановки*; *Ветер заставил мальчишек вернуться домой*. В качестве объекта волевого воздействия допустимы и одушевленные, и неодушевленные предметы. Ср.: *Любовь заставляет сердца биться чаще*; *Неисправный мотор не позволил машине двигаться дальше* и др. Опять же скажем, что и в сочетаниях

с неодушевленными объектами чаще всего теряется компонент «волевого воздействия» в семантике данной группы каузативных глаголов.

Заметим, что в круг глаголов волевого воздействия могут включаться и другие глаголы. Е. Я. Гордон [1981] приводит пример такого глагола в русском языке: *Он сказал ему выйти*. Глагол *сказал* в данном контексте выступает заменителем каузативного глагола волевого воздействия *велеть* (*Он велел ему выйти*). В бурятском языке также возможно употребление глаголов речи в каузативном значении:

- (11) *Тэрэ нам=да сонхо хаа=х=ые=м*
 он я=DAT окно закрыть=PC.FUT=ACC=1SG
хэлэ=бэ.
 сказать=PST.3SG
 ‘Он сказал мне закрыть окно.’

В бурятском языке выделяется глагол *болгохо*, который имеет значение, близкое к значению глагола *заставить* в русском языке. В сочетании с причастиями будущего времени *болгохо* выступает в значении «заставлять кого-либо делать что-либо»:

- (12) *Дулм=ые ажал тухай хөөрэ=хэ*
 Дулма=ACC работа о рассказать=PC.FUT
бол=го=бо=бди.
 заставить=CAUS=PST=1PL
 ‘Мы заставили Дулму рассказать о работе.’

Глагол *бол-го-хо* является производным от *болохо* ‘становиться’ и имеет каузативный аффикс *-го*. Интересен тот факт, что значение волевого воздействия глагола *болгохо* может проявляться в сочетании с прилагательными: *абяагүй болгохо* ‘заставить замолчать’. В буквальном переводе ‘сделать молчащим’.

Нельзя не отметить, что в бурятском языке каузативные конструкции с предикатным актантом можно заменить маркированным каузативным глаголом, где значение каузации выражается при помощи каузативного аффикса. Ср.: *униа-х-ые уриха* ‘просить читать’ – конструкция с каузативным глаголом и причастием на *-ха*, *уни-уул-ха* ‘просить читать’ – конструкция с маркированным каузативным глаголом. Характерной особенностью бурятского языка является возможность обозначения волевого воздействия одной лексемой, мало распространенная в русском языке. Это связано с тем, что бурятские каузативные глаголы имеют богатые морфологические средства выражения [Дадуева, 2014]. Например: а) ‘заставить спать’ *унт-уул-ха* от *унтаха*, б) ‘заставить съесть’ *эд-юул-хэ* от *эдеэлхэ*, в) ‘просить уйти’ *яб-уул-ха* от *ябаха*, г) ‘заставить прыгать’ *собхор-уул-ха* от *собхорхо*, *харай-лга-ха* от *харайха* и т. п. Однако значения каузативных маркированных глаголов бурятского языка при переводе на русский чаще всего поясняются при помощи каузативных конструкций с предикатными актантами. Отметим также тот факт, что маркированные каузативные глаголы бурятского языка способны выражать пермиссивное значение, редкое в русском языке. В качестве глаголов, выражающих пермиссивную каузацию, в русском языке выступают именно глаголы волевого воздействия. Например: а) *Бидэ хоер хүндэ баһ-уул-хагүйбди!* ‘Мы не позволим людям себя обижать!’; б) *Бидэ таанарта нэгж-үүл-хэгүйбди* ‘Мы не позволим вам себя обыскивать’ (Х. Намсараев. Үүрэй толон); в) *Хүнише хөөрэлд-үүл-хэгүй* ‘Не позволяют людям поговорить’ (М. Жигжитов. Далай шадарай дайда). Как мы видим, бурятские маркированные глаголы с пермиссивным значением переводятся на русский язык только с помощью конструкций с глаголом волевого воздействия.

Таким образом, в функционально-семантическом разряде каузативных глаголов в бурятском и русском языках выделяется группа глаголов со значением волевого воздействия, отличительным свойством которых является возможность участия в полипредикативных конструкциях с предикатным актантом. Конструкции с глаголами волевого воздействия и предикатными актантами служат одним из средств выражения категории каузативности. Отметим, что в семантическом плане главной особенностью таких каузативных конструкций представляется обозначение потенциального, желаемого, каузируемого действия в русском языке при помощи инфинитива, а в бурятском языке – причастия будущего времени с показателями падежа и притяжания. Инфинитив в русском языке и причастие будущего времени в бурятском языке выполняют функции предикатных актантов. С другой стороны, при общей функциональной и семантической нагрузке причастия будущего времени в бурятском языке и инфинитив в русском языке имеют грамматические различия. Основными грамматическими свойствами причастного актанта будущего времени на *-ха* в бурятском языке является возможность присоединять показатели падежа и притяжания.

С точки зрения семантики принято разграничивать каузативные глаголы волевого воздействия с фактитивным и пермиссивным значением. Исследование показало, что специфика глаголов волевого воздействия с пермиссивным значением в бурятском языке состоит в том, что они управляют только дативом, как и в русском языке. Также отметим, что маркированные каузативные глаголы бурятского языка в отличие от русского способны выражать пермиссивное значение. В русском же языке пермиссивная каузация выражается только конструкциями с глаголами волевого воздействия. Отличительным свойством бурятского языка является возможность обозначения волевого воздействия одной маркированной лексемой, что, безусловно, связано с тем, что каузативность здесь имеет богатые морфологические средства выражения. В этом случае каузативные конструкции с предикатным актантом заменяются морфологическим каузативом, при котором каузация выражается при помощи каузативного аффикса, что мало распространено в русском языке.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Избр. тр. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 472 с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
- Ван Цуй, Бочина Т. Г.* Каузативная конструкция в русском и китайском языках // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 7–11.
- Гордон Е. Я.* Каузативные глаголы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Дадуева Е. А.* Каузативные аффиксы в бурятском языке // *Вестник Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура*. 2014. № 1. С. 4–8.
- Дадуева Е. А.* Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. Улан-Удэ, 2011. 128 с.
- Дистанова Г. М.* Типология конструкций с каузативными глаголами в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // *Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами: Сб. ст. / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1983. С. 5–27.*
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002.
- Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке (структурно-семантическое описание). Новосибирск, 1988. 199 с.

- Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. 232 с.
Филиппов А. В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 90–93.
Noonan M. Complementation // Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol 2: Complex constructions. P. 52–150.

Список источников

- Буряад ульгээрнүүд. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 139 с.
Дамбаев Г.-Д. Гунсэмаа. Улан-Удэ, 1973.
Жигжитов М. Далай шадарай дайда. М., 1977.
Намсараев Х. Үүрэй толон Улан-Удэ, 1950.
Приставкин А. Ночевала тучка золотая. М., 1989.
Приставкин А. Солдат и мальчик. М., 1982.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC – винительный падеж; CAUS – каузативный глагол; CVB – деепричастная форма; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; IMP – повелительное наклонение; LOC – локатив; NEG – отрицание; PC.FUT – причастие будущего времени; PL – множественное число; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; REFL – показатель субъектного (возвратного) притяжания; SG – единственное число

E. A. Dadueva

*Buryat Institute of Infocommunications (Branch)
of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics
Ulan-Ude, Russian Federation, dadueva@yandex.ru*

Causative constructions with volitional verbs in the Buryat and Russian languages

The purpose of this paper is to determine some characteristics of the functioning of causative verbs of volitional influence in the Buryat and Russian languages and to define their place in the verbal system. In the Russian and Buryat languages, causative verbs of emotional, volitional, and physical impact are identified. These verbs constitute an extensive class of content causative verbs in both Russian and Buryat languages, with volitional impact being expressed only by a small group of verbs: *dat'*, *pozvolit'*, *zastavit'*, *prikazat'*, *velet'*, *prosit'*, *prinuzhdat'* (to give, to allow, to force, to order, to request, to coerce), etc. Semantically, their main characteristic is the designation of a potential, desired, causal action in the Russian language by means of an infinitive, and in the Buryat language – a participle. We consider the verbs of volitional action as auxiliary for the formation of syntactic causative constructions, i. e. functioning as a syntactic causative in the Russian language. This group of volitional verbs is a special group of causative verbs possessing a number of features that make them different from the causative verbs of physical and emotional impact. Their distinctive features are the absence of non-causal correlates in Russian and Buryat languages and some grammatical differences. The characteristic feature of the Buryat language is the possibility of expressing a volitional impact with one lexeme, not common in the Russian language. We have also noted that auxiliary causative verbs can lose the volitional meaning when combined with an inanimate causer and an inanimate object of influence.

Keywords: causative verb, polypredicative construction, volitional impact, factitive causation, permissive causation.

DOI 10.17223/18137083/70/21

References

- Apresyan Yu. D. *Izbr. tr. T. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. 1: Lexical semantics]. Moscow, 1995, 472 p.
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow, 1976, 383 p.
- Gordon E. Ya. *Kauzativnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Causative verbs in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1981.
- Dadueva E. A. Kauzativnye affiksy v buryatskom yazyke [Causative affixes in the Buryat language]. *BSU bulletin. Language. Literature. Culture*. 2014, no.1, pp. 4–8.
- Dadueva E. A. *Funktional'no-semanticheskaya kategoriya kauzativnosti v russkom i buryatskom yazykakh* [Functional-semantic category of causativity in Russian and Buryat languages]. Ulan-Ude, 2011, 128 p.
- Distanova G. M. *Tipologiya konstruktivnykh s kauzativnymi glagolami v russkom yazyke* [Typology of constructions with causative verbs in Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Dushanbe, 2010.
- Filippov A. V. K voprosu o kauzativnykh i nekauzativnykh glagolakh [On the question of causative and non-causative verbs]. *Russkiy yazyk v shkole*. 1978, no. 1, pp. 90–93.
- Kasevich V. B., Khrakovskiy V. S. Konstruktsii s predikatnymi aktantami. Problemy semantiki [Constructions with predicate actants. Problems of semantics]. In: *Kategorii glagola i struktura predlozheniya: konstruktsii s predikatnymi aktantami: Sb. st.* [Verb categories and sentence structure: constructions with predicate actants: Coll. of art.]. V. S. Khrakovskiy (Ed.). Leningrad, 1983, pp. 5–27.
- Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Moscow, 2002.
- Noonan M. Complementation In: Shopen T. (Ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 52–150.
- Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke (strukturno-semanticheskoe opisanie)* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk, 1988, 199 p.
- Tipologiya konstruktivnykh s predikatnymi aktantami* [Typology of constructions with predicate actants]. Leningrad, 1985, 232 p.
- Van Tsuy, Bochina T. G. Kauzativnaya konstruktsiya v russkom i kitayskom yazykakh [The causative construction in Russian and Chinese languages]. *Philology and Culture*. 2014, no. 3 (37), pp.7–11.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004, 544 p.

List of sources

- Buryaad yl'gernyyd*. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1983, 139 p.
- Dambaev G.-D. *Gynsemaa*. Ulan-Ude, 1973.
- Namsaraev Kh. *Yyrey tolon*. Ulan-Ude, 1950.
- Pristavkin A. *Nochevala tuchka zolotaya* [A golden cloud spent the night]. Moscow, 1989.
- Pristavkin A. *Soldat i mal'chik* [A soldier and a boy]. Moscow, 1982.
- Zhigzhitov M. *Dalay shadaray dayda*. Moscow, 1977.